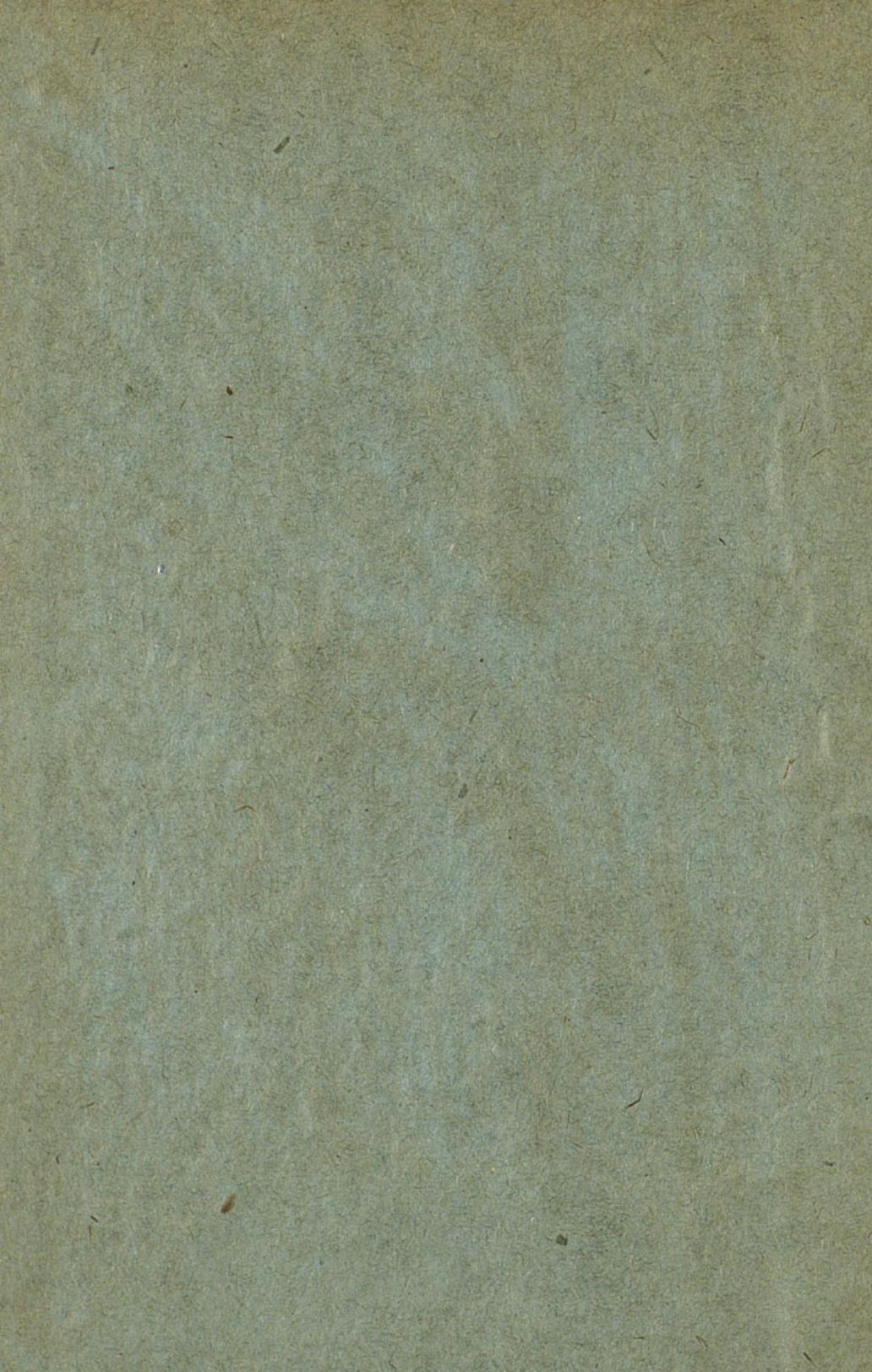

Н. Носков.

Кто такой

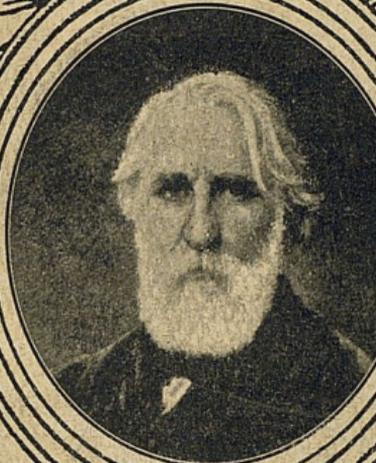
Тургенев?

U $\frac{80}{153}$

□ □ ВЕЛИКІЕ РУССКІЕ ЛЮДИ □ □

ВЪ БІОГРАФИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ И РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

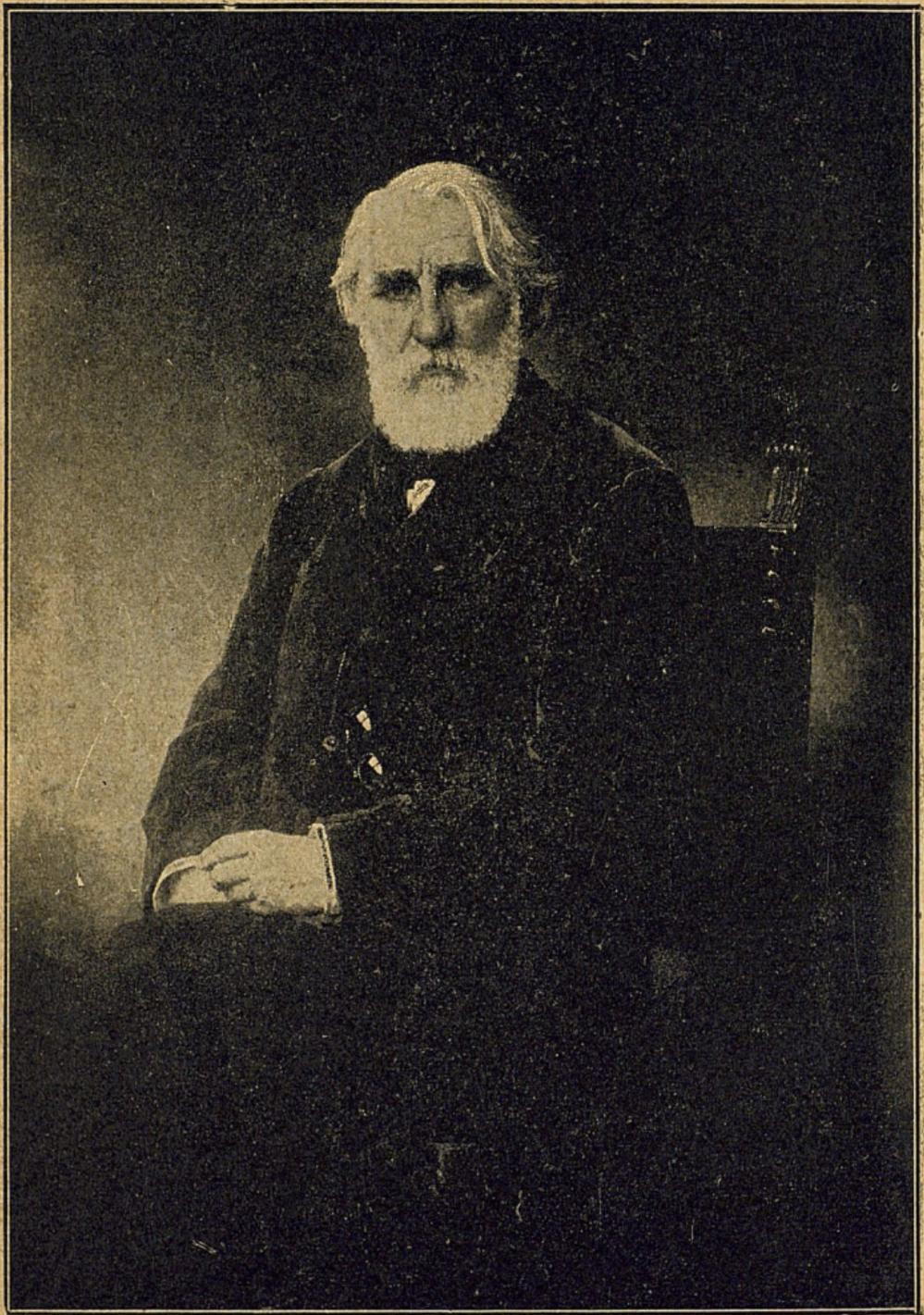

КТО ТАКОЙ ТУРГЕНЕВЪ

ИЗДАНИЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ.

Портретъ кисти худ. Ярошенко.

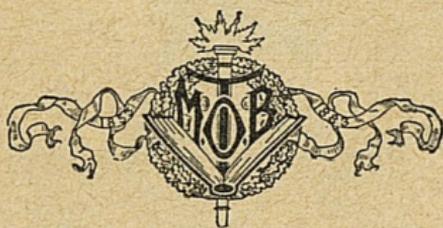
1755

КТО ТАКОЙ ТУРГЕНЕВЪ?

ЮНЫЕ ГОДЫ ПИСАТЕЛЯ, ЕГО ЖИЗНЬ,
ЕГО ТВОРЧЕСТВО, ЕГО ЗАСЛУГИ

Биографическій разсказъ для юношества

Н. Д. НОСКОВА

Съ портретами и рисунками

ИЗДАНИЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
• ЕЛЪБУРЪ • МОСКВА • 1911]

ПЕЧАТЬ СТИПОГРАФІИ
Т-ЕЛ АИ-О-КОМІФЪ
С ПЕТЕРБУРГА. БАС-ВЕТТ-16 АННІИ СРЕДНІИ

2010515723

== ВЕЛИКІЕ РУССКІЕ ЛЮДИ ==

ВЪ БІОГРАФИЧЕСКИХЪ ПОВѢСТЯХЪ И РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ВЕЛИКІЕ люди—гордость націи. Въ нихъ народъ проявилъ все свое лучшее, цѣнное и великое, на нихъ сосредоточилъ всю свою любовь.

Исторія ихъ жизни—краснорѣчивѣйшая повѣсть о томъ, до какихъ безпредѣльныхъ вершинъ величія и красоты можетъ достигъ геній человѣка въ его неустанномъ вѣчномъ движеніи впередъ. Это тотъ путеводный маякъ, который неугасимо свѣтитъ и указываетъ вѣрный путь всѣмъ идущимъ на его свѣтъ...

Великіе люди родины, геніи человѣчества были и останутся нашими вѣчными спутниками, начиная съ дней юности... И необходимо, чтобы юная молодежь не только *знала* ихъ вѣчно славныя имена, но и научилась-бы всѣмъ сердцемъ, всею мыслью *любить* тѣхъ, кто создалъ славу родинѣ...

Вотъ почему въ жизнеописаніяхъ такихъ людей долженъ прежде всего проступать самъ великій человѣкъ, свѣтиться его великая душа, горѣть его свѣтлые помыслы.

Перечень фактовъ, цифръ и событій всегда сухъ и безжизненъ. Такая «сухая» біографія не достигаетъ цѣли: она знакомитъ, но не сближаетъ юнаго читателя съ великимъ человѣкомъ; она даетъ пищу памяти, но не запечатлѣваетъ въ ней великій образъ... А между тѣмъ истинно-великій человѣкъ—не только настоящій герой увлекательной повѣсти, но и эта

самая повѣсть остается до конца правдивой и вѣрной дѣйствительности, если она не будетъ отрѣшена отъ быта и эпохи и явится ея основой.

Несомнѣнно, что такія біографическія повѣсти имѣютъ большое воспитательное значеніе: онѣ сближаютъ юность съ тѣми, которые были неизмѣнно героями долга и самоотверженія, мужества и труда, терпѣнія и настойчивости въ преслѣдованіи одной высокой цѣли...

Всѣ эти соображенія легли въ основу задуманной нами и выпускаемой теперь серіи біографическихъ повѣстей и рассказовъ изъ жизни русскихъ великихъ людей, прославленныхъ на всѣхъ поприщахъ знанія и труда. Сюда входятъ живые, но сжатые, біографическіе рассказы о великихъ русскихъ писателяхъ, художникахъ, ученыхъ, самоотверженныхъ рабочихъ на нивѣ государственнаго и общественнаго строительства. Во всѣхъ очеркахъ повѣствовательная часть тѣсно связана съ фактическими данными и указаніями на ту, или иную заслугу лица, которому посвященъ очеркъ. Во всѣхъ этихъ рассказахъ особенное вниманіе обращено на юные годы великихъ людей—эту счастливую пору,—когда среди забавы перваго чтенія, въ большинствѣ случаевъ, уже намѣчается будущее призваніе, неясное еще, но неодолимое стремленіе духа въ область *своей* мечты, *своего* особеннаго міра.

И если въ этой серіи юный читатель найдетъ себѣ по сердцу истиннаго героя, если современемъ онъ самъ захочетъ ближе и во всѣхъ подробностяхъ изучить жизнь и дѣятельность своего великаго избранника, то цѣль наша вполне достигнута.

Искра заброшена.

I.

БЕЗКОНЕЧНЫЙ просторъ...

Куда ни кинешь взоръ — всюду ровная, пологія поля. Спѣлымъ колосомъ наклонилась къ землѣ золотистая рожь; зеленые овсы протянулись рядами и не шелохнутся. А за ними бѣгутъ и бѣгутъ зеленые луга и, кажется, конца нѣтъ ихъ мѣрному бѣгу...

Среди этихъ полей и луговъ раскинулось большое село Спасское-Лутовиново. Рядъ темныхъ избъ жметя къ сельской церковкѣ. Вдали зеленѣютъ деревья помѣщичьяго сада и весь потонулъ въ зелени старый барскій домъ, словно островъ среди зеленаго океана.

Солнце палитъ и печетъ на деревенской улицѣ, вѣтеръ взметааетъ клубы пыли, но въ саду, подъ вѣтвями старыхъ елей и могучихъ дубовъ хорошо и прохладно; лѣтній

зной не проникаетъ въ чашу этого сада и стоитъ въ немъ неумолкаемый гомонъ отъ пѣсенъ пернатаго царства.

И любить-же этотъ садъ маленькій барчукъ! Онъ знаетъ его вдоль и поперекъ; среди заросли орѣшника, жимолости и бузины у него есть свои любимыя мѣстечки.

Онъ радъ-радешенекъ, когда ему удастся вырваться изъ-подъ опеки гувернера-француза и скрыться въ тѣни кустовъ стараго сада. Здѣсь есть одно укромное мѣстечко. Кусты орѣшника сплелись вмѣстѣ, выше пояса густая трава. Гувернеру сюда не проникнуть.

Но барчукъ здѣсь не одинъ...

Вотъ уже крадется, осторожно раздвигая вѣтви и медленно шагая по травѣ, его вѣрный другъ. Въ кустахъ мелькнула знакомая фигура съ книгой подъ мышкой. И что это за книга! Такихъ книгъ нѣтъ во всемъ домѣ, даже въ отцовской библіотекѣ. Старая, желтая, большая... Славная книга! И какъ хорошо сидѣть на мягкой травѣ и слушать медленное, торжественное чтеніе стиховъ.

Стихи, подобно рѣчкѣ, льются и журчатъ

мягко и нѣжно, то, словно та-же рѣчка въ бурю, звенять величественно и грозно, а длинный кривой палецъ быстро водить отъ строки къ строкѣ по желтымъ печатнымъ страницамъ...

Маленькій барчукъ весь слухъ и вниманіе. И видится ему не старый садъ, а пылающая въ огнѣ Казань, слышатся крики побѣдителей, вотъ великанша-татарка и самъ побѣдитель—грозный царь Иванъ Васильевичъ на бѣломъ конѣ... А стихи льются и звенять...

Старый садъ, кажется, словно замеръ отъ восторга, и маленький Ваня также полонъ небывалымъ счастьемъ.

— Довольно на сей разъ!—говоритъ старикъ и прихлопываетъ книгу.

Очарованье Вани мигомъ разлетается.

— Ну, еще немножко,—просить онъ, хотя знаетъ, что его старый другъ непреклоненъ.

Старикъ качаетъ головой и медленно подымается съ травы.

— Ужо, до другого раза,—отвѣчаетъ онъ на просьбы Вани.

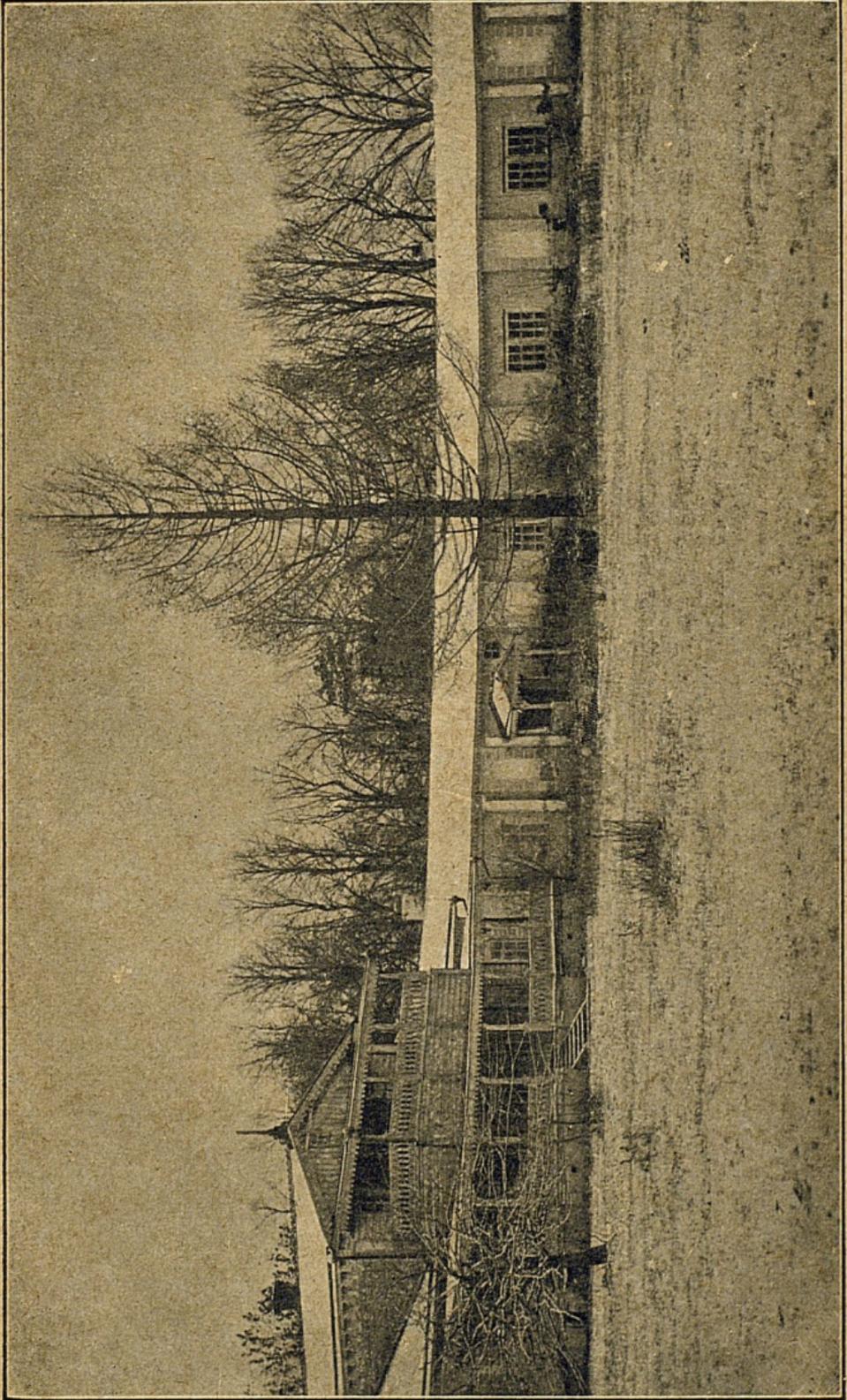
Солнце уже опускается къ западу. Потя-

нуло сыростью отъ стараго пруда, отъ деревьевъ легли косматыя тѣни. Домой пора!

Дома уже ищутъ Ваню, но не менѣе ищутъ и его друга. Въ домѣ старикъ несетъ отвѣтственную службу. Онъ человѣкъ не вольный, а крѣпостной и служить камердинеромъ. На досугѣ онъ любитъ читать и въ его каморкѣ часто виденъ свѣтъ нагорѣвшей свѣчи, когда въ домѣ всѣ уже спятъ.

Ваня Тургеневъ всей душой полюбилъ этого старика. Ни съ кѣмъ другимъ время не проходитъ такъ весело и хорошо, и никто въ домѣ лучше его не умѣетъ читать русскіе стихи...

Въ домѣ говорятъ по-французски, читаютъ французскія книги и Ванинъ гувернеръ тоже французъ. Онъ не водить дружбы съ книгами и совсѣмъ не любитъ Ваню и его брата; онъ радъ, когда покончить занятія и мальчики не шалятъ... Чуть что—онъ сейчасъ жалуется матери, а мать Вани строгая и дѣти ея очень боятся. Впрочемъ, ее они видятъ не часто, хотя и живутъ съ ней подъ одной крышей. Домъ у нихъ большой—настоящій богатый помѣщичій домъ.

Домъ И. С. Тургенева въ с. Спасскомѣ.

Но скучно въ этомъ домѣ. Холодомъ вѣетъ отъ его большихъ комнатъ, оживляющихся съ прїѣздомъ гостей и пустынныхъ, когда нѣтъ никого чужихъ.

За этимъ домомъ тянется деревня. Тамъ въ избахъ живутъ мужики. По праздникамъ Ваня видитъ ихъ въ церкви. Въ сѣрыхъ армякахъ они робко жмутся у входа... Они часто приходятъ во дворъ и стоятъ у крыльца барскаго дома. Низко кланяются и говорятъ о чемъ-то печальномъ; часто плачутъ, и у крыльца, и на конюшнѣ, и молятъ о прощеніи...

Отъ дворни Ваня слышалъ, что эти люди его крѣпостные, потому что онъ наслѣдникъ отцовскаго имущества, и что плачутъ они оттого, что ихъ сыновей сдаютъ въ рекруты или сѣкутъ на конюшняхъ.

Въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія, къ которымъ относится нашъ разсказъ, все это было обычнымъ, зауряднымъ дѣломъ.

И много разныхъ невеселыхъ былей наслушался маленькій барчукъ; много пришлось ему видѣть въ дѣтствѣ такого, что и позднѣе

онъ вспоминалъ съ ужасомъ и отвращеніемъ, отъ чего больно содрогалось его маленькое сердце. Нерадостныя впечатлѣнія вынесъ изъ родного дома будущій великій русскій писатель. Онъ не испыталъ ни нужды, ни лишеній, но не видалъ и ласки.

Единственнымъ его другомъ былъ старый слуга, котораго онъ потомъ трогательно описалъ подъ именемъ Пунина. Этотъ безвѣстный человѣкъ сдѣлалъ для Тургенева больше, чѣмъ всѣ его наемные гувернеры. Старикъ выучилъ мальчика начаткамъ русской грамоты и внушилъ ему любовь къ поэзіи.

Рано, за чтеніемъ стиховъ, полюбилъ Тургеневъ русскую поэзію и самъ принялся слагать вирши. Первое его „произведеніе“ въ стихахъ было посвящено описанію шарманки; въ немъ юный поэтъ воспѣвалъ:

«Вотъ вертится толстый валъ
И зубами защелкалъ».

Но слагать вирши въ Спасскомъ не пришлось долго Тургеневу. Пора было приняться за науку и засѣсть за школьную парту.

II.

У крыльца стоитъ огромная карета. Уже выносятъ изъ дома пожитки барчуковъ. Лошади нетерпѣливо бьютъ копытами о землю.

Послѣдняя минута разставанья, и развернется предъ Ваней дальній путь въ Москву.

Тамъ ждали его новыя впечатлѣнія и друзья: сначала пансіонъ Вейденгаммера, затѣмъ дворянскій пансіонъ и университетъ.

Прилежно учится маленькій Ваня. Способности у него бойкія, и наука дается ему легко. Иногда мелькнетъ облачкомъ тѣнь: вспомнится деревенскій просторъ и любимыя мѣста... Такъ бы и полетѣлъ къ нимъ, такъ бы и послушалъ чтеніе о дѣвицѣ-татаркѣ и взятіи Казани. Но съ каждымъ днемъ блѣднѣютъ воспоминанья. Въ Москвѣ, въ пансіонѣ, онъ нашель по сердцу одного челоуѣка. Это молодой еще гувернеръ. Онъ знаетъ наизусть много стиховъ и даже всего „Юрія Милославскаго“. Въ часы досуга, по вечерамъ, онъ посадить, бывало, къ себѣ

на колѣни Ваню и рассказываетъ ему восторженно о русскихъ въ смутное время, объ удалыхъ подвигахъ Юрія и его вѣрнаго слуги Кирши.

А Ваня весь слухъ и вниманье. И долго, долго во снѣ ему грезятся знакомые образы и милыя тѣни. Всѣ воспитанники спятъ, только ему одному не спится и уносить его мечта далеко, далеко...

Но скоро родные Тургенева покинули Спасское и переѣхали на житье въ Москву. Тургенева взяли изъ пансіона. Онъ учится дома. Къ нему ходятъ лучшіе учителя. Его готовятъ къ экзамену въ университетъ.

Одинъ изъ учителей, „словесникъ“ Дубенскій, близко познакомилъ мальчика съ новой русской литературой и со стихами Пушкина; впрочемъ, онъ не только познакомилъ съ нею своего ученика, но и передалъ ему то особое благоговѣйное отношеніе къ ней, которымъ самъ былъ преисполненъ.

Пятнадцати лѣтъ юный Тургеневъ надѣлъ уже студенческой мундиръ—и началась его университетская жизнь...

Московскіе студенты жили тогда полной

жизнью. Студенчество собиралось въ тѣсныя кружки; кипѣли молодые споры и рѣчи, и бодро дышалось юношамъ среди друзей.

Въ ту пору, въ числѣ студентовъ Московскаго университета, были такіе юноши, какъ Бѣлинскій, Станкевичъ, К. Аксаковъ и др.

Философія и литература—вотъ что увлекало тогдашнюю лучшую молодежь. А въ литературѣ уже гремѣло имя Пушкина. Студенчество зачитывалось имъ и въ то же время „разносило по Москвѣ громкую славу о новомъ великомъ талантѣ“. Этотъ новый талантъ былъ Гоголь.

Тургеневу не трудно было сойтись съ лучшими представителями студенчества. Одинъ изъ его учителей, Ключниковъ, былъ студентомъ университета, поэтомъ и близкимъ другомъ Станкевича и Бѣлинскаго. Но прочной связи съ кружкомъ въ ту пору не удалось завязать Ивану Сергѣевичу. Снова обстоятельства звали его прочь отъ Москвы: отецъ умеръ, а мать, вмѣстѣ со старшимъ братомъ, переѣзжала на житье въ Петербургъ.

Скучнымъ и блѣднымъ показался юношѣ

этотъ городъ послѣ Москвы; какимъ неинтереснымъ было петербургское студенчество! Здѣсь, среди молодежи не было ни того увлеченія, ни восторговъ, какіе онъ видѣлъ въ Москвѣ.

Тургеневъ затосковалъ.

То, чего онъ жадно искалъ въ товарищахъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ профессоровъ. Это былъ старый ученый, любившій до самозабвенія русскую словесность. Другъ Пушкина, пріятель всѣхъ литературныхъ знаменитостей того времени—Плетневъ сталъ близкимъ человѣкомъ юношѣ.

На третьемъ курсѣ студентъ Тургеневъ робко вручилъ профессору свой первый опытъ въ стихахъ. Это была фантастическая драма.

III.

Старому словеснику опытъ юноши не вполне понравился. На лекціи онъ подробно разобралъ драму и пожелалъ автору всякихъ успѣховъ на новомъ пути литератора. Но, встрѣтясь съ юнымъ студентомъ на улицѣ, Плетневъ „пожурилъ его“, хотя и отмѣтилъ нѣкоторые хорошіе стихи.

Въ домѣ же Плетнева Тургеневу удалось познакомиться со свѣтилами тогдашней литературы. Здѣсь, въ этой старомодной гостиной, все было полно любовью къ родной словесности, къ родному языку. Здѣсь разбирались лучшія произведенія русскихъ писателей, здѣсь они сами встрѣчались другъ съ другомъ, и домъ Плетнева былъ настоящимъ литературнымъ домомъ.

Какъ робко и вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо чувствовалъ себя юный Тургеневъ на плетневскихъ вечерахъ! Предъ его глазами проходилъ весь литературный петербургскій кругъ. Онъ видѣлъ здѣсь Жуковского и Гоголя, Баратынскаго и Кольцова и другихъ литераторовъ. Удалось ему, хотя и мелькомъ, увидѣть и великаго Пушкина.

Юный Тургеневъ еще не былъ литераторомъ, хотя онъ уже сочинялъ стихи и мечталъ о литературномъ поприщѣ, какъ о чемъ-то недосыгаемо-прекрасномъ. Бесѣды одинъ-на-одинъ съ благодушнымъ профессоромъ о поэзіи, о Пушкинѣ и Жуковскомъ,

настраивали его благотворно, а въ юномъ сердцѣ уже зрѣли авторскія грезы.

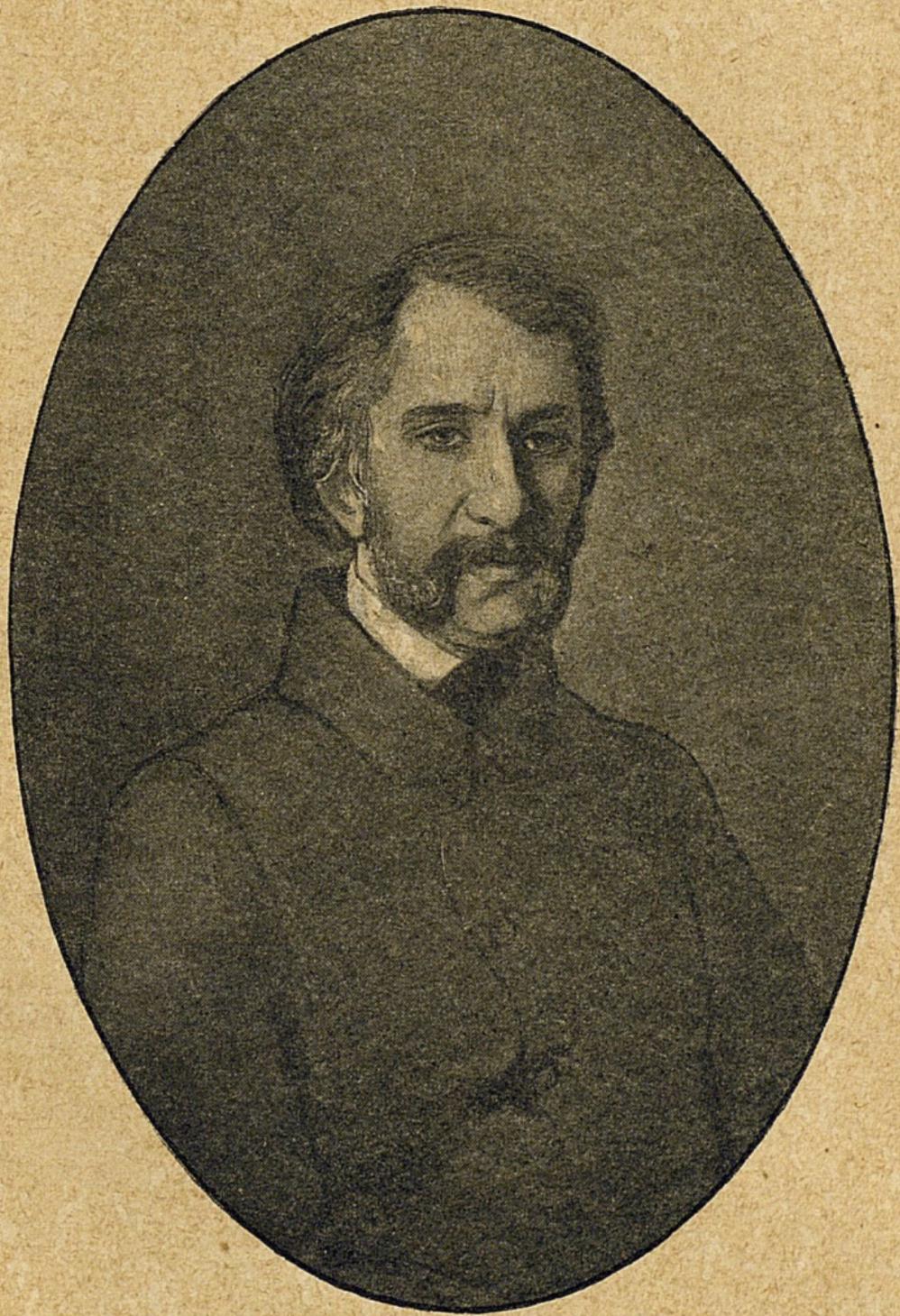
Тотъ-же старикъ Плетневъ „ввелъ его въ семейство добрыхъ музъ“ и благословилъ на дальнѣйшій литературный путь. Въ 1838 году въ журналѣ „Современникъ“, который издавалъ Плетневъ, появилось въ печати первое стихотвореніе Ивана Сергѣевича Тургенева.

А въ это самое время его московскіе пріатели изъ прежняго тѣснаго кружка выходили на широкую литературную дорогу. Безвѣстное до сихъ поръ имя одного изъ нихъ загоралось славой. Это имя было — Бѣлинскій.

И какъ не похожи были другъ на друга благодушныя рѣчи Плетнева, его умиленія и восторги предъ поэзіей—и огненные, полныя силы слова Бѣлинскаго.

Старое отживало, всходили юные всходы новой полосы... Тургеневъ принадлежалъ тоже къ этой полосѣ...

Въ 1838 г. онъ окончилъ университетъ. Но ему хотѣлось учиться, потому что скудны были тѣ знанія, которыя выносили юноши

И. С. Тургеневъ. Портретъ А. Боголюбова 1858 г.

послѣ окончанія университетскаго курса. Ему видѣлась въ будущемъ карьера ученаго, каѳедра. Вотъ онъ, профессоръ философіи, всходитъ на каѳедру. Предъ нимъ толпа молодежи. Онъ начинаетъ читать и его горячее, убѣжденное слово зажигаетъ вѣрой въ науку, любовью къ ней юныя сердца его слушателей. Но получить каѳедру не легко. Нужно много работать и учиться. Учиться дома негдѣ — необходимо ѣхать за границу. А въ то время заграничные отпуска давались не легко.

Почти два года хлопотъ и, наконецъ, о радость! Заграничный паспортъ у него въ карманѣ! Пароходъ уже ждетъ, готовый отвезти его въ Штеттинъ. А тамъ уже близокъ Берлинъ, университетъ, знаменитые профессора и тѣсный кружокъ русскихъ студентовъ. Среди нихъ много московскихъ пріятелей — цвѣтъ русскаго студенчества.

Бурно и сурово сѣверное море.

Переѣздъ на пароходѣ не прошелъ благополучно. На пароходѣ случился пожаръ, и юный Тургеневъ едва спасся.

Но вотъ онъ въ Берлинѣ. Жизнь кипитъ

кругомъ него. Она кипитъ на лекціяхъ и въ тѣсномъ кружкѣ молодыхъ, восторженныхъ головъ. Дышится легко, полною грудью.

Два года прошли, какъ одинъ день, и снова раздольныя поля, просторъ луговъ и милыя по воспоминаньямъ, родныя липы Спасскаго сада.

Убогими и печальными показались ему родныя мѣста: богатый помѣщичій домъ и дырявыя избы крестьянъ, унылый перезвонъ сельской церкви и тоскливыя пѣсни; но все это было близкое, родное его душѣ.

Съ ружьемъ за плечами онъ бродилъ по лѣсамъ и болотамъ, ближе присматриваясь къ окружающей его жизни. Тогда то впервые онъ понялъ страданія и горести крѣпостного народа, узналъ его печали и радости и крѣпко полюбилъ душу этого народа-героя. Этотъ темный сѣрый народъ сталъ ему такъ близокъ, такъ понятны его молчаливое горе, тоска и муки. И Иванъ Сергѣевичъ уже мечталъ о томъ времени, когда онъ станетъ хозяиномъ Спасскаго и дастъ волю всѣмъ этимъ людямъ. Родина рисовалась въ юношескихъ мечтахъ могучею и свободною. Но

это будетъ тогда лишь, когда на Руси не будетъ рабства, когда всѣ ея граждане станутъ равны предъ закономъ.

Тургеневъ не былъ одинокъ въ своихъ мечтахъ. Лучшіе русскіе люди его поколѣнія уже стыдились своихъ рабовладѣльческихъ правъ.

Наступала весна жизни Тургенева. Полный силъ и желанья служить своей родинѣ онъ вернулся домой. И тутъ онъ понялъ вполнѣ, на себѣ испыталъ всю разницу между свободной европейской жизнью и русской неволей... На первыхъ же шагахъ съ мечтой объ ученой карьерѣ пришлось распрощаться. Каѳедра философіи, къ которой онъ готовился, была упразднена въ русскихъ университетахъ. Горько было разставаться со своими планами Тургеневу, но юность сильна. Иной, великій путь уже мелькаетъ предъ нимъ. Въ его завѣтной тетради всѣ листки исписаны стихами. Въ 1841 году эти стихи появляются въ печати и литературный путь лежитъ открытымъ предъ юнымъ писателемъ. Двадцати двухъ лѣтъ онъ выходитъ на него, для того, чтобы всю жизнь

безъ уклоненій, безъ колебаній идти по немъ.

Неясныя мечты и образы становятся все ярче и яснѣе. Поэзія родной природы, хорошо знакомые образы, выхваченные прямо изъ среды самого народа, стоятъ передъ Тургеневымъ и въ воображеніи уже развертывается полотно стройной картины—„Записокъ охотника“.

Великія произведенія создаются не сразу и много пришлось передумать, пережить и перечувствовать Ивану Сергѣевичу, прежде чѣмъ приступить къ своему знаменитому произведенію.

Юность должна собрать запасъ силъ для будущаго, она только преддверіе для дальнѣйшей работы. И хорошо тому, кто отдалъ свою юность чистымъ грезамъ и работѣ свѣтлой мысли. Ими жилъ и горѣлъ юный Тургеневъ.

Привѣтъ вамъ, чистыя грезы и свѣтлая мысль!

IV.

Тургеневскій огромный талантъ долго-долго искалъ своей дороги, раньше чѣмъ появились прославившія писателя „Записки

охотника“. Прежде юный поэтъ „сочинялъ“,— въ „Запискахъ охотника“ онъ обратился къ наблюденіямъ надъ жизнью, надъ русской дѣйствительностью.

Въ то время, когда Тургеневъ началъ писать свои очерки изъ „Записокъ охотника“, Россія была крѣпостной страной.

Цѣлые милліоны крестьянъ были рабами. У нихъ не было ни своей земли, ни своей воли—все принадлежало помѣщикамъ-дворянамъ.

Помѣщикъ могъ какъ угодно распоряжаться судьбой своихъ крѣпостныхъ. Захочетъ онъ и беретъ крестьянина съ земли на свой дворъ для домашнихъ услугъ. Такіе крестьяне назывались дворовыми людьми. Захочетъ и заставить работать мужика на землѣ и нести тягло. Отсюда названіе тягловые крестьяне. Нѣсколько дней въ недѣлю мужикъ обязанъ былъ работать на барина, или справлять барщину, обрабатывая господскія поля.

Нѣкоторые помѣщики отпускали своихъ людей на работы на сторону, съ обязательствомъ ежегодно уплачивать имъ положен-

ный бариномъ оброкъ. Такихъ крестьянъ называли оброчными. И тѣмъ, и другимъ, и третьимъ жилось одинаково плохо, потому что безъ своей воли человѣкъ все равно, что птица безъ крыльевъ. Старую барскую, сытую и голодную крестьянскую Россію съ дѣтства видѣлъ Тургеневъ. Много накопилось у него воспоминаній объ этой жизни и они ожили подъ перомъ писателя въ его „Запискахъ охотника“.

Въ разсказахъ „Хорь и Калинычъ“, „Ермолай и мельничиха“, „Малиновая вода“, „Бѣжинъ лугъ“, „Льговъ“, „Контора“, „Живыя мощи“ и др. встаютъ передъ нами картины прошлаго крестьянской Россіи. Вотъ умный дѣлецъ Хорь. Съ разрѣшенія помѣщика онъ ушелъ на болото, обстроился и зажилъ собственнымъ хозяйствомъ. Накопилъ деньжонокъ и занялся торговлей... И все потому, что на болотѣ Хорю никто не мѣшалъ, а отъ господина ему удалось откупиться деньгами. Рядомъ съ Хоремъ его пріятель—отбившійся отъ всякихъ хозяйственныхъ заботъ Калинычъ, цѣлые дни проводящій съ ружьемъ, лицомъ къ лицу съ

природой. Самъ баринъ—охотникъ—отбилъ Калиныча отъ хозяйства, но Калинычу и горя мало: одна природа тянетъ его къ себѣ, а до всего остального онъ беззаботенъ: ходитъ въ дыравыхъ лаптяхъ, живетъ впроголодь, но не горюетъ...

Ермолай давно уже ни на какую работу негоденъ и господа отъ него давно отказались. Но „ледащій Ермолай“ не пропалъ. И не пропадетъ, пока съ нимъ ружье и Валетка. Онъ проживетъ своимъ „искусствомъ“ и никто не сравнится съ нимъ въ искусствѣ въ полу ю воду ловить рыбу, „доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ“...

Но у сколькихъ такихъ Ермолаевъ пропадали зря ихъ способности и не знали они, какъ приложить ихъ къ дѣлу? Знать объ этомъ крѣпостному человѣку не полагалось. За него думалъ помѣщикъ или его управитель. Мужика ставили на работу, не спрашивая годенъ ли къ ней человѣкъ. Много талантовъ и дарованій пропадало въ старой Руси; имъ не давали простора и они гибли, какъ

растения гибнуть безъ свѣта и воздуха. Такъ погибъ поэтъ въ душѣ „юродивецъ“ Касьянъ („Касьянъ съ красивой Мечи“), и зачахла Арина Тимофеевна („Ермолай и мельничиха“).

Мытарства Сучка („Малиновая вода“) показываютъ, какъ тяжело жилося людямъ на Руси. Кѣмъ-кѣмъ не перебивалъ Сучокъ въ своей жизни: былъ онъ и кучеромъ, и поваромъ, и кафешенкомъ, и актеромъ, и казачкомъ, и фореиторомъ, и, наконецъ, по волѣ новой барыни, обратился на старости лѣтъ въ господскаго рыболова при озерѣ, въ которомъ вовсе не было рыбы.

V.

Среди этого бѣднаго, рабскаго народа Тургеневъ видѣлъ настоящихъ героев—образцовъ человѣческаго долготерпѣнья и стойкости.

Изъ сѣрой массы онъ выводилъ передъ читателемъ такіе типы, какъ типъ „страсто-терпицы“ больной Лукерьи („Живыя мощи“), какъ юродивца „Касьяна“; въ жалкомъ тѣлѣ

Лукерья и Касьяна Тургеневъ открылъ великую, ищущую лучшей доли, душу. И ищетъ эта душа безпокойно правды и справедливости.

Касьянъ нашелъ ее въ вѣрѣ, что далеко-далеко, гдѣ-то на землѣ есть такая прекрасная страна, и тамъ всѣ люди живутъ по Божьи, „въ довольствѣ и справедливости“. Лукерьѣ въ ея полуснѣ все „звоны земли“ слышатся и что-то зоветъ, отзываетъ ее на небо. Она ждетъ смерти, какъ небесной радости, потому что все Христось ей снится, рай мечтается... И не о себѣ, о другихъ полна тревожная дума Лукерья, какъ бы имъ, другимъ, близкимъ и дальнимъ лучше жилось.

Такихъ „праведниковъ“ зналъ Тургеневъ въ русскомъ народѣ и только они примиряли грустную думу писателя о судьбахъ родной страны...

Съ ея тьмой, съ ея рабствомъ никогда не могъ примириться Тургеневъ и такое примиреніе онъ считалъ позорнымъ, постыднымъ дѣломъ. Не о примиреніи, а о борьбѣ со зломъ говорятъ Тургеневскія произведе-

нія. Можно-ли быть спокойнымъ, говорятъ эти произведенія, когда великій русскій народъ, подобно Ильѣ Муромцу, сидитъ сиднемъ и всѣ пути къ свободѣ ему заказаны, и верховодятъ имъ люди, давно забывшіе человѣческій образъ. Вотъ, кто они, смотрите сами! И великій художникъ рисуетъ за фигурою фигуры тогдашнихъ помѣщиковъ...

Вотъ Хвалынскій—жидоморъ и скряга, отобравшій лучшую землю отъ своихъ мужиковъ, не брезгующій присвоить себѣ даже забѣжавшихъ въ садъ куръ своего мужика... Вотъ его другъ и пріятель—Стегуновъ—хлѣбосоль и добрый человѣкъ, съ добрѣйшей улыбкой посылающій „сѣчься“ за ничтожную провинность своего буфетчика и прислушивающійся къ свисту розогъ съ такой-же „добрѣйшей улыбкой“.

Подъ-стать имъ и Пѣночкинъ, выколачивающій послѣдній грошъ у крестьянина и не принимающій никакихъ жалобъ на звѣря-бурмистра. Стегуновъ по крайней мѣрѣ воспитанъ на мѣдные гроши, старъ, невѣжественъ, но Пѣночкинъ уже корчитъ изъ себя европейца. Однако, этому европейцу

лишь по покрою платья ничто не препятствует жестоко расправляться съ своими дворовыми, всегда чувствовать себя въ отличнѣйшемъ расположеніи духа и считаться „отцомъ и благодѣтелемъ“ своихъ крестьянъ.

Такіе самодуры-помѣщики были вовсе не рѣдкостью. Не уступали имъ въ жестокости и барыни помѣщицы.

Въ разсказѣ „Муму“, въ неоконченномъ романѣ „Господская контора“ и въ „Пунинъ и Бабуринъ“ выведены ярко, во весь ростъ такіе звѣри-помѣщицы. Собственный капризъ для нихъ единственный законъ, кромѣ ихъ воли—другой не существуетъ.

Глухонѣмого богатыря Герасима помѣщица лишаетъ единственнаго близкаго существа—собачки Муму. Безвиннаго парня другая помѣщица отправляетъ на поселеніе только за то, что онъ былъ сыномъ отца, когда то провинившагося передъ барыней.

Въ очеркѣ „Чертопхановъ и Недолюскинъ“ разсказывается о затѣяхъ Чертопханова отца, который „для порядка“ перенумеровалъ всѣхъ своихъ людей и велѣлъ

каждому написать на воротникѣ нумеръ. Точно такія же затѣи проявила и Глафира Ивановна изъ „Собственной господской конторы“: со своими подданными она обращалась такъ, какъ хорошій шахматистъ постѣнится обращаться съ пѣшками. Да это и не были люди въ глазахъ Глафиры Ивановны. Это были только рабы.

Тургеневъ одинъ изъ первыхъ русскихъ писателей обратилъ вниманіе на ихъ жизнь и сумѣлъ открыть красоту души этихъ рабовъ... Въ то время это было совершенно необычайно. И молодая Россія, къ которой принадлежалъ самъ писатель, первая поняла, что на родинѣ далеко не все такъ хорошо, какъ въ этомъ увѣряли старики.

Крѣпостное право—вотъ главное зло всей русской жизни, указывалъ Тургеневъ, и надо было сознать это зло, начать съ нимъ борьбу не въ одиночку.

VI.

Тургеневскія „Записки охотника“ и произведенія русскихъ писателей новаго времени

сдѣлали огромное дѣло: они открыли глаза русскому обществу, заставили его сознать свой неоплатный долгъ передъ народомъ. Въ этомъ огромная историческая заслуга произведеній Тургенева, и она никогда не забудется.

Прелесть и сила тургеневскаго языка, дивная красота его живыхъ образовъ, рѣдкое умѣніе передавать читателю настроеніе писателя—все это помогало успѣху его произведеній. Они глубоко западали въ душу, и ясные образы безвѣстныхъ тургеневскихъ героевъ становились всѣмъ такими близкими, родными...

И до Тургенева были люди, уже стыдившіеся рабства, но никто до него не выразилъ этого отвращенія къ нему такъ ярко, въ такихъ понятныхъ всѣмъ образахъ и картинахъ. И это потому, что русскій великій гражданинъ Тургеневъ былъ въ то же самое время и великимъ художникомъ слова.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началъ писать Тургеневъ, но произведенія его все еще живы. И прошлое нашей родины еще не далеко отодвинулось; оно еще

живетъ въ настоящемъ, и попрежнему не закончено дѣло освобожденія русскаго народа. Онъ добился воли для своего крестьянства и бьется теперь за свободу всей Россіи. Видѣть ее свободной, могучей и сильной было мечтой Тургенева. Онъ не дождался исполненія этой мечты, но вѣрилъ, что только великому народу можетъ быть данъ судьбой такой великій языкъ, какъ русскій. Беречь это драгоцѣнное достояніе предковъ—былъ завѣтъ стараго писателя молодежи. И другимъ завѣтомъ его было желаніе, чтобы молодежь сознала, что „жизнь не шутка и не забава“. „Жизнь тяжелый трудъ и исполненіе долга“. Тяжелымъ трудомъ она была для самыхъ лучшихъ тургеневскихъ героевъ.

Безпечная травоядная жизнь Хвалынскихъ, Пѣночкиныхъ, Стегуновыхъ—это не жизнь, а прозябанье, недостойное человѣка. На жизнь, какъ на забаву, смотрѣло въ юности большинство тургеневскихъ героевъ, но это и было ихъ величайшей ошибкой, и за нее они потомъ горько каялись. Личное счастье ничто, это поняла и Лиза изъ „Дво-

рянскаго гнѣзда“, и Лаврецкій, и Елена, и Инсаровъ въ „Наканунѣ“. Для нихъ долгъ прежде всего. Лиза знаетъ свой долгъ передъ Богомъ, Инсаровъ передъ родиной и обществомъ. Исполненіе такого долга приводитъ Лизу въ монастырь, заставляетъ Лаврецкаго задуматься надъ судьбой своихъ крестьянъ, Инсарова — бросить все за освобожденіе страдающей отчизны.

Милая Ася, эта „капризная дѣвочка съ натянутымъ смѣхомъ“, для тѣхъ, кто мало ее зналъ, мечтаетъ пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвигъ, ей хотѣлось бы быть птицей и имѣть крылья. Все ея существо стремилось къ правдѣ. Къ этой правдѣ неудержимо тянетъ и Касьяна, и Лукерью, и Асю, и Лизу. Жить не для себя, а для другихъ, — вотъ о чемъ говорятъ произведенія великаго русскаго писателя, вотъ куда зовутъ они молодежь.

VII.

Эту молодежь — работниковъ будущаго — любилъ старикъ Тургеневъ.

Живя за границей, лишь наѣзжая на родину, онъ постоянно слѣдилъ за ростомъ русской молодежи, жилъ ея радостями, болѣлъ ея горемъ. Чуткій художникъ Туреневъ не только зналъ, что „старое старится—молодое растеть“, но что нужно во время и умѣло помогать такому росту.

„Бездомный странникъ“ Лаврецкій, подъ долетавшіе до него веселые клики молодого поколѣнія, оглянулся на свою жизнь и благословилъ молодежь. „Играйте, веселитесь, растите, молодые силы,—думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ,—жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть—и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! А вамъ надо дѣло дѣлать, работать, и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами...“

Въ великолѣпномъ по красотѣ построенія рассказѣ „Бѣжинъ лугъ“ выведено пять мальчиковъ. Пять простыхъ деревенскихъ мальчиковъ въ загадочную іюльскую ночь вы-

Паркъ въ с. Спаскомъ.

ѣхали въ „ночное“. Страхи темной ночи и нехитрые разговоры около костра, но сколько души, наблюдений и чуткости вложено Тургеневымъ въ эту картинку. Темная июльская ночь и дѣти темнаго народа съ суевѣрною вѣрой, боязливой опаской предъ лицомъ таинственной всемогущей природы...

Но Тургеневъ постигъ душевный міръ этихъ мальчугановъ и самъ въ „Бѣжинѣ лугѣ“ заговорилъ ихъ языкомъ. Словно живые предъ нами и безстрашный герой Павлуша, ничего не боящійся и смѣло идущій въ темноту ночи къ рѣкѣ за водой, и скачущій на волка съ одной хворостинкой въ рукѣ, и крошка Ваня, прерывающій страшный разговоръ восклицаніемъ:

— Гляньте-ко, гляньте, ребятки, гляньте на Божьи звѣздочки, что пчелки роятся!

Онъ выставилъ свое свѣтлое личико изъ подъ рогожки, оперся на кулачокъ и медленно поднятъ кверху свои большіе, тихіе глаза. Глаза мальчиковъ поднялись къ небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорилъ Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова,—отвѣчалъ Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи, что она къ намъ отчего не ходитъ?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что ей гостинца дамъ.

— А мнѣ дашь?

— И тебѣ дамъ.

Ваня вздохнулъ.

— Ну, нѣтъ, мнѣ не надо. Дай ужъ лучше ей: она такая у насъ добренькая.

И Ваня опять положилъ свою голову на землю...

Вотъ все участіе Вани въ разсказѣ, но и по этимъ немногимъ строкамъ виденъ словно живой этотъ мечтательный, милый добрякъ мальчуганъ.... Подъ грубой посконной рубахой бьется у Вани горячее, отзывчивое сердце...

Дѣти всегда были Тургеневскими любимцами.

Старый холостякъ, весь вѣкъ прожившій въ кругу чужой семьи, онъ любилъ слѣдить

за играми дѣтей. Въ тѣни каштановъ Тюльерійскаго сада въ Парижѣ, и среди простора родной деревни онъ любовался этими сіяющими личиками и чистенькихъ, разодѣтыхъ городскихъ дѣтишекъ, и степныхъ, неумытыхъ замарашекъ.

„Великанъ“ съ серебряными волосами и сѣдой бородой умѣлъ рассказывать дѣтямъ дивныя сказки, терпѣливо выслушивалъ ихъ болтовню, писалъ письма своимъ маленькимъ друзьямъ. „Лѣтомъ,—писалъ Иванъ Сергѣевичъ одной маленькой дѣвчкѣ, своей большой пріятельницѣ,—мы опять будемъ въ Спасскомъ и будемъ опять ходить въ лѣсъ и кричать: „Что я сажу! Какой прелестный подберезникъ!“

Иванъ Сергѣевичъ не успѣлъ записать своихъ сказокъ для дѣтей, но онъ выпустилъ въ русскомъ переводѣ французскія сказки Перро, а къ русскимъ сказкамъ Брянчанинова онъ написалъ свое предисловіе.

Тургеневъ съ рѣдкимъ мастерствомъ рисовалъ портреты дѣтей и подростковъ. Дочь Лаврецкаго Адочка, Аннушка, дочь Касьяна, стойкій, честный подростокъ Давыда

изъ „Часовъ“, восторженный Эмиль изъ „Вешнихъ водъ“, погибшій славной смертью, сражаясь за свободу своей родины Италіи,— вотъ нѣсколько великолѣпныхъ дѣтскихъ портретовъ Тургенева.

VIII.

Искренній другъ молодежи съ безпристрастіемъ настоящаго художника противопоставилъ въ романѣ „Отцы и дѣти“ старой Россіи—Россію новую, смѣлую, гордую... Поколѣніе отцовъ рвалось къ дѣлу, но не знало этого дѣла. Поколѣніе дѣтей уже нашло для себя такое дѣло. Елена изъ „Наканунѣ“ нашла такую правду: она въ дѣлѣ ея мужа; въ него Елена вѣритъ всѣмъ сердцемъ, всей мыслью. Соломинъ и Маріанна изъ „Нови“ уже находятъ свое дѣло, правду своей жизни. Это дѣло—работа на пользу народа. И въ этомъ Маріанна не видитъ никакой заслуги—это счастье, долгъ. Она вѣритъ въ это „всѣми силами души и посвятить своему дѣлу всю свою жизнь“... Лишь при наличности такого захватывающаго всего человѣка дѣла только и можно

жить разумно, по-человѣчески. Безъ него человѣку живется скверно и онъ „коротаетъ“ свой вѣкъ, какъ „безпредѣльная овца“ блуждая безъ цѣли. Тургеневскій Базаровъ знаетъ, зачѣмъ онъ живетъ, зачѣмъ хлѣбъ ѣсть. Не вина Базарова, если ему приходится дѣлать не созидательную, а разрушительную работу. Не разрушивъ стараго зданія нельзя строить новаго. Старое зданіе русской жизни нуждалось въ сломкѣ и Базаровы дѣлали эту работу честно, стойко, самоотверженно. Сила была на ихъ сторонѣ—огромная сила нравственная. „Вѣра безъ дѣлъ мертва“. Поколѣніе отцовъ было сильно только этой вѣрой, а чуть доходило до дѣла, тутъ и руки опускались. Базаровы ничего не примутъ на вѣру: они хотятъ все знать, все провѣрить критически. Они горды тѣмъ, что никто ихъ не сломалъ, и жизни они бросаютъ вызовъ и выходятъ съ ней на бой. Такіе люди нужны были родинѣ для того, чтобы очистить путь новымъ поколѣніямъ для ихъ созидательной работы.

Въ свое время романъ Тургенева навлекъ много непріятностей на писателя. И отцы,

и дѣти остались имъ не довольны. Кирсановы-отцы видѣли въ романѣ свое уничиженіе, дѣти въ Базаровѣ не нашли „героя“. Но для художника Тургенева дороже всего была истина. Онъ зналъ одно высочайшее счастье для литератора: это было изображеніе дѣйствительной, не выдуманной жизни. „Истина прежде всего,—говорилъ Тургеневъ,—даже если она не совпадаетъ съ личными симпатіями писателя“...

„Записки охотника“ закрѣпили за Тургеневымъ славу большого художника. Большая часть ихъ писалась за границей, куда „ушелъ“ Иванъ Сергѣевичъ отъ мерзости русской рабской жизни. Съ чужбины виднѣе былъ врагъ, а этимъ врагомъ для Тургенева было крѣпостное право. Онъ поклялся съ нимъ биться до конца. Рассказываютъ, что Тургеневская книга, за пропускъ которой сильно досталось цензору, попала въ руки императору Александру II. Книга Тургенева окончательно укрѣпила государя въ его мысли положить конецъ старымъ безчеловѣчнымъ порядкамъ на Руси. А самъ Иванъ Сергѣевичъ, задолго до общей воли,

получивъ въ наслѣдство отъ матери имѣнье, отпустилъ на волю всѣхъ своихъ дворовыхъ и много поработалъ для ускоренія общаго освобожденія крестьянъ на Руси.

Тургеневъ началъ писать со стиховъ и закончилъ стихами. Это были маленькіе рассказы, миниатюры или „стихотворенія въ прозѣ“. Вотъ одно изъ нихъ. Воробей—его названіе:

„Я возвращался съ охоты и шелъ по аллеѣ сада. Собака бѣжала впереди меня.

„Вдругъ она уменьшила свои шаги и начала красться, какъ бы зачужавъ передъ собою дичь.

„Я глянулъ вдоль аллеи и увидалъ молодого воробья, съ желтизной около клюва и пухомъ на головѣ. Онъ упалъ изъ гнѣзда (вѣтеръ сильно качалъ березы аллеи) и сидѣлъ неподвижно, беспомощно растопыривъ едва пророставшія крылышки.

„Моя собака медленно приближалась къ нему, какъ вдругъ, сорвавшись съ близкаго дерева, старый черногрудый воробей камнемъ упалъ передъ самой ея мордой—и весь взъерошенный, искаженный, съ отчаяннымъ и жалкимъ пискомъ прыгнулъ раза

два въ направленіи зубастой, раскрытой пасти.

„Онъ кинулся спасать, онъ заслонилъ собою свое дѣтище... Но все его маленькое тѣло трещетало отъ ужаса, голосокъ одичалъ и охрипъ, онъ замиралъ, онъ жертвовалъ собою!

„Какимъ громаднымъ чудовищемъ должна была ему казаться собака! И все-таки онъ не могъ усидѣть на своей высокой, безопасной вѣткѣ... Сила, сильнѣе его воли, сбросила его оттуда.

„Мой Трезоръ остановился, попятился... Видно, и онъ призналъ эту силу.

„Я поспѣшилъ отозвать спущеннаго пса— и удалился, благоговѣя. Да; не смѣйтесь. Я благоговѣлъ передъ той маленькой, героической птицей, передъ любовнымъ ея порывомъ.

„Любовь,—думалъ я,—сильнѣе смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.“

Любовь—сильнѣе смерти, и она двигаетъ жизнь—вотъ все, что было убѣжденіемъ Тургенева, и всѣ его произведенія полны

этой, не знающей смерти, любовью ко всему: къ природѣ, человѣку, ко всему живому.

Природа для нашего писателя была живой, одухотворенной. Человѣкъ передъ ней ничтожество, природа царица міра. И такую же является она на страницахъ тургеневскихъ произведеній. Тургеневскія описанія природы это не фотографическіе снимки съ натуры, а гимнъ ей—вѣчно творящей, вѣчно обновляющейся, мощной и живой. Это сама поэзія, гдѣ пытливый, наблюдательный умъ художника слился вмѣстѣ съ его тонко чувствующей, все запечатлѣвающей душой. Въ нихъ весь Тургеневъ, — простой и великій, поэтъ и чуткій наблюдатель...

Такимъ онъ и былъ въ дѣйствительности.

22 августа 1883 года кончилась жизнь Тургенева. Онъ умеръ на чужбинѣ, но завѣщалъ похоронить свое тѣло на родинѣ. На Волковскомъ кладбищѣ въ Петербургѣ могила Тургенева, но для его произведеній нѣтъ могилы. Они бессмертны, какъ то „царство вѣчной юности“ и „вѣчной красоты“, которое чувствуется въ созданіяхъ

великихъ мастеровъ мысли, слова, кисти, рѣзца.

Надолго сохранится въ нашей памяти образъ этого великаго старика „съ душою благосклонной“, а мысль его, душа и сердце навсегда останутся жить въ книгѣ тургеневскихъ твореній.

Сколько прекрасныхъ мгновений и чистыхъ восторговъ дали и будутъ они давать русской молодежи!.. И не по наслышкамъ уже знаетъ она имя любимѣйшаго изъ русскихъ писателей—Ивана Сергѣевича Тургенева.

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ КНИГЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

въ изящныхъ изданіяхъ, въ оригинальныхъ
золототисненыхъ переплетахъ.

ЦѢНА КАЖДАГО ТОМА 1 Р. 50 К.

Эта новая коллекція книгъ для дѣтей разныхъ возрастовъ, предпринятая Товариществомъ М. О. Вольфъ, имѣетъ цѣлю дать въ руки дѣтей наиболѣе выдающіяся и популярныя произведенія, такъ называемой «литературы для дѣтей», русской и иностранной, а также классическія произведенія европейскіхъ писателей, примѣнен. къ дѣтскому возрасту, въ изящныхъ иллюстрирован. изданіяхъ, по чрезвычайно дешевой цѣнѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ БАСЕНЪ КРЫЛОВА**, съ биографіею и словаремъ М. Н. Никольскаго, съ портретами, видами памятника и могилы Крылова. Съ 32 рисунками Н. Олшанскаго и П. Веллингерста. Изд. второе.
- ВЕСЕЛЫЕ РАЗСКАЗЫ**. В. Буша. Переводъ К. Н. Льдова, съ 498 рисунками въ текстѣ. Изданіе второе.
- ТЫСЯЧА И ОДНА НОЧЬ**. Арабскія сказки. Въ обработкѣ для русскихъ читателей А. Аванасьева-Чужбинскаго. Съ рисунками.
- НОРВЕЖСКІЯ СКАЗКИ** П. ХР. АСБЪЕРНСЕНА. Переводъ С. М. Макаровой, съ 25 отдѣльными картинами и 47 политипажками въ текстѣ.
- РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ**, съ 3 рисунками въ текстѣ и 23 отдѣльными картинами Анненскаго, Панова, Тейхеля и др. Изд. второе.
- ЛУЧШІЯ СКАЗКИ АНДЕРСЕНА**, съ 130 рис. и 7 отд. карт. Изданіе третье.
- ИЗБРАННЫЯ СКАЗКИ БРАТЪВЪ ГРИММЪ**. Переводъ Е. И. Песковской, съ предисловіемъ П. М. Ольхина, съ 78 рисунками въ текстѣ. Изданіе третье.
- СКАЗКИ ГАУФА**, съ 21 иллюстраціей, и 20 отдѣльными картин. Изд. второе.
- СКАЗКИ ПЕРРО**, съ 46 иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.
- ДОНЪ-КИХОТЬ ЛАМАНЧСКИЙ**. Сочиненіе Сервантеса, переведенное. Передѣланное для дѣтей А. Гречемъ, съ 79 рис. Густава Доре. Изд. второе.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ МЮНХГАУЗЕНА**. Первый полный переводъ на русскомъ языкѣ Е. Песковской, съ иллюстраціями Густава Доре. Изд. второе.
- РЕЙНЕК-ЛИСЪ**. Соч. Вольфганга Гёте, примѣн. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ автотип. рис. въ текстѣ и 7 отдѣльн. картин. Изд. второе.
- ПУТЕШЕСТВІЯ ГУЛЛИВЕРА** по многимъ отдаленнымъ и неизвѣстнымъ странамъ свѣта. Соч. Джонатана Свифта, перев. съ англ. М. Никольскаго. Съ биограф. автора, 39 отдѣльн. картин. и 35 рис. въ текстѣ. Изд. второе.
- СОНИНЫ ПРОКАЗЫ**. Сочин. графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Перев. съ французск., съ 33 рис. въ текстѣ и 15 отдѣльн. картин. Третье изданіе.
- ПРИМѢРНЫЯ ДѢВОЧКИ**. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго съ 20 рисунками. Изданіе второе.
- КАНИКУЛЫ**. Сочиненіе графини Сегюръ, урожд. Ростопчиной. Переводъ съ французскаго. Съ рисунками. Изданіе второе.
- ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА**. Соч. Бичеръ-Стоу, примѣнен. къ дѣтскому возрасту М. Песковскимъ, съ 101 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. картин. Изд. второе.
- МАЛЕНЬКІЙ ЛОРДЪ ФАУНТЛЕРОЙ**. Разказъ для дѣтей Ф. Г. Бернеттъ. Съ 24 рисунками Р. Г. Берчъ. Изданіе второе.
- ЗАПИСКИ ШКОЛЬНИКА** (Сюге, Сочиненіе Де-Амичисъ, съ предисловіемъ М. Л. Песковскаго, съ 15 рис. въ текстѣ и 32 отд. картин. Изд. третье.
- МАЛЕНЬКІЯ ЖЕНЩИНЫ** или Мегъ, Джо, Бетси и Эми. Повѣсть Луизы Олькотъ, съ 89 рис.
- МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ**. Исторія одолаго ребенка (Petit Chose) Альфонса Додэ, переводъ М. Л. Лихтенштадтъ, 73 иллюстраціи. Изданіе второе.
- ПРИНЦЪ И НИЩИЙ**. Разказъ для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена. Переводъ Н. С. Вѣтина съ 146-ти рисунками.
- ПРИКЛЮЧЕНІЯ ТОМА СОЙЕРА**. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена. Переводъ М. Н. Колаевой. Съ 65 рисунками.
- ФИННА**. Повѣсть для юношества всѣхъ возрастовъ Марка Твена, переводъ графини А. З. Муравьевой. Съ рисунками.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА ВОЛЬФА

Собрание рассказов и повестей известных русских авторов, — преимущественно из русской жизни и русского быта. Каждая книжка заключает в себя совершенно законченное произведение, отпечатанное на велевой бумаге четким и ясным шрифтом.

1. Груня. Рассказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

2. Красный фонарь. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. В. А. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

3. Дуня Перехватова. Рассказъ К. С. Баранцевича. Съ 1 отд. карт. худ. А. Скиргелло. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

4. Митина нива. Рассказъ Н. Г. Вучетича. Съ 1 отд. карт. худ. В. А. Полякова. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

5. Звездочка. Рассказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 1 отд. карт. и 3 рис. въ текстѣ худ. Н. Н. Ольшанскаго. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

6. Птицеловъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

7. Крестьянская свадьба. Рассказъ для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

8. Мунька. Похождения одной собаки. Рассказъ К. Станюковича. Съ 4 отд. карт. и со мног. рис. въ текстѣ А. И. Сударушкина и др. худ. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

9. Счастье быть богатымъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

10. Канунъ Рождества. Повесть для дѣтей С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

11. Вербы. Рассказъ С. М. Макаровой. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

12. Святлый Праздникъ. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 2 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

13. Пангеранъ-Пугарь, яванскій охотникъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

14. То—что можно. Рассказъ А. В. Круглова. Съ 6 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 40 к., въ папкѣ 55 к.

15. Петро Акчимъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

16. Семикъ и Троицынъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

17. Ночь на Ивановъ день. Рассказъ С. М. Макаровой. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

18. Какъ поймать солнечный лучъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

19. Сувала, добродушный слонъ. Рассказъ А. Е. Разина. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

20. Гаранька. Рассказъ Андрея Печерскаго (П. И. Мельникова). Съ 4 отд. карт. худ. В. А. Табурина. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

21. Петрусь Мартынюкъ. Повесть Н. Н. Брешко-Брешковскаго. Съ 4 отд. карт. худ. В. В. Полякова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

22. Чайка. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 2 рис. Ц. 30 к., въ папкѣ 45 к.

23. Бѣдные индусы. Повесть М. Б. Чистякова. Съ 4 отд. карт. худ. Н. Богданова. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

24. Домикъ съ цвѣтами. — Старый садовникъ. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. и съ 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

25. Орландъ. — Поэтъ и соловей. Рассказы М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

26. Выездъ въ деревню. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

27. Воспоминанія моего товарища. Рассказъ М. Б. Чистякова. Съ 1 отд. карт. И. В. Симакова. Ц. 25 к., въ папкѣ 40 к.

28. Доброе слово. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

29. Сюрпризъ. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

30. Натъш Гордѣева. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рис. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

31. Друзья. Рассказы для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

32. Шмуэль. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

33. Горькая судьба. Рассказъ для дѣтей В. Самойловичъ. Съ рисункомъ. Ц. 15 к., въ папкѣ 30 к.

34. Промелькнувшее счастье. Рассказъ Клавдіи Лукашевичъ. Съ 4 отд. иллюстр. и 1 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

35. Нвмедъ и Страшилище. Два рассказа изъ гимназ. и студ. жизни И. Н. Поталенко. Съ рисунками В. Полякова и А. Юмудскаго. Ц. 20 к., въ папкѣ 35 к.

ИЗДАНИЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ И МОСКВА

2010515723